АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН

СЕРИЯ КНИГ

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ

Долги, которых НЕТ

РОМАН-РАССЛЕДОВАНИЕ



КНИГА ПЕРВАЯ

Александр Ладогин

Долги, которых нет

«Автор»
2026

Ладогин А.

Долги, которых нет / А. Ладогин — «Автор», 2026

Петербург, осень 2026 года. Пятнадцать лет назад финансовый эксперт Антон Лесовой подписал заключение, после которого директора строительной компании обвинили в хищении денег дольщиков. Шестьсот семей получили квартиры. Обвинённый до суда не дожил. Казалось, история закончена.Но однажды к Антону приходит дочь погибшего. Она приносит старую фотографию: на снимке виден человек, который, согласно показаниям, не мог там находиться. А накануне Антону позвонил благодетель, когда-то спасший жизнь его сестры, и попросил быть с девушкой помягче.Чем глубже Антон погружается в архивы, тем тревожнее открытия. Безупречные печати удостоверяют сомнительные бумаги. Уважаемые люди берегут чужие тайны. Благодарность незаметно превращается в обязательство молчать. И каждый новый ответ ставит под угрозу не только репутацию Антона, но и его семью.Кому выгодна правда, если за неё придётся заплатить самым дорогим? И кто на самом деле кому должен?Первая книга серии «За закрытыми дверями».

© Ладогин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Фотография 5
Глава вторая. Пятнадцать лет 12
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Александр Ладогин
Долги, которых нет

Часть первая. Фотография
Глава первая. Предупреждение



I

Санкт-Петербург. Понедельник, 21 сентября 2026 года.

Всеволод Григорьевич позвонил в девять вечера, когда Антон Лесовой уже собирался закрыть ноутбук. За пятнадцать лет Тальников ни разу не начал разговор с просьбы. Сначала он непременно спрашивал о семье, затем вспоминал кого-нибудь из общих знакомых, рассказывал что-нибудь смешное и только под конец, словно между делом, переходил к главному. Антон давно привык к этому порядку и даже ценил его. Человеку, который помнит, как зовут твою сестру и в каком классе твой сын, трудно отказать. Ещё труднее его в чём-нибудь заподозрить.

— Как Мила?

— Реставрирует кресла. Вчера прислала фотографию одного – я бы на её месте ещё и извинился перед владельцем.

Тальников рассмеялся негромко, с привычной задержкой: сначала представлял себе кресло, а уж потом оценивал шутку.

— Нашла своё дело. Это главное. А Татьяна?

— На дежурстве. У них сезон, когда дети болеют, а родители уверены, что с температурой можно договориться.

— Зато она хотя бы не врёт, – заметил Тальников.

Они поговорили ещё минут пять. Всеволод Григорьевич собирался в Петербург, но пока не знал, когда именно. Антон рассказал про новую сотрудницу, которая нашла ошибку в чужом

отчёте раньше, чем ей выдали пропуск к принтеру. Тальников спросил про Мирона – что там с олимпиадой по математике, – и Антон признался, что сын готовится к ней так же, как он сам когда-то готовился к экзаменам: накануне и с видом человека, которого оклеветали.

Антон уже потянулся к кнопке отбоя, когда Тальников произнёс:

— Да, вот ещё. К тебе может прийти одна женщина. Алиса Шелестова.

Фамилия задела память, но места в ней не нашла. Или он сам ей этого места не дал.

— По какому делу?

— По старому. Семейная история, очень тяжёлая. Она тогда была совсем девочкой, и, боюсь, легче ей с годами не стало.

— И что ты мне советуешь?

— Ничего особенного. Будь с ней помягче. Она может наговорить лишнего.

Антон смотрел на отражение лампы в тёмном окне. Внизу, на Чкаловском, проехал пустой автобус и долго вздыхал на остановке, словно сомневался, стоит ли ехать дальше.

— Мне или тебе?

В трубке стало тихо. Ненадолго, секунды на две. Но Антон знал Всеволода Григорьевича пятнадцать лет и не помнил, чтобы тот так долго подбирал ответ на простой вопрос.

— Ты же знаешь, я не обижаюсь на людей, которым плохо.

— Тогда зачем предупреждаешь?

— Ты всё принимаешь всерьёз. А человек иногда приходит не за ответом. Ему нужно, чтобы его выслушали.

Антон пообещал выслушать. Тальников пожелал спокойной ночи, ещё раз велел передать привет Миле и отключился.

В квартире было тихо. Жена дежурила до утра, Мирон спал, оставив на кухонном столе тетрадь с задачей, решённой наполовину, и запиской: «Папа, не смотри, я сам». За стеной кто-то двигал мебель с упорством человека, решившего начать новую жизнь именно в понедельник и именно в десятом часу.

Антон открыл рабочий архив и набрал в поиске фамилию. Нашлось четыре файла. Три касались посторонних людей. Четвёртый оказался старым заключением, которое пять лет назад перенесли на новый сервер вместе со всем остальным не открывая.

Он прочёл название компании – «Сосновый квартал» – и вспомнил.

Не женщину. Её отца.

Файл Антон не открыл. Взглянул на дату, закрыл ноутбук и отнёс тетрадь сына в его комнату, чтобы утром тот не подумал, что отец всё-таки смотрел. В деле пятнадцатилетней давности не было ничего, что требовало бы решения сегодня. До звонка Тальникова он в этом не сомневался.

Телефон засветился. Писала Мила: «Если не спишь – можно брать за работу больше, чем стоит сама мебель?» Ниже было то самое кресло: новое сиденье, тёмный лак и царапина на подлокотнике, которую она упрямо сохранила.

«Можно. Особенно если клиент видел результат».

«А если не видел?»

«Тогда ты работаешь в консалтинге».

Мила прислала смеющуюся рожицу. Антон положил телефон экраном вниз и минуту стоял у окна, разглядывая чужие освещённые кухни напротив. Затем вернулся к столу и на обороте старого счёта записал фамилию.

Шелестова.

Бумажку он сунул в карман пиджака.

II

Вторник, 22 сентября.

В половине одиннадцатого утра Антон вышел из переговорной с ощущением зря потраченного часа.

Клиент, хозяин небольшой торговой фирмы, хотел доказать, что финансовый директор выводил деньги через поставщиков. Папка выглядела убедительно: платёжки, служебные записки, таблица с красными строками. Антону хватило десяти минут, чтобы понять, что с ней не так. Две служебные записки были напечатаны на бланке с новым адресом офиса, а переехала фирма в июне. Датированы же записки мартом и апрелем.

— Вы же видите, что деньги ушли, – сказал хозяин под конец.

— Вижу, что их перечислили. А куда они пошли потом – вопрос. И бланк у вас июньский.

Хозяин посмотрел на бланк так, словно тот его подвёл лично. Затем предложил удвоить гонорар. Антон ответил, что готов начать сначала: проследить, куда на самом деле шли деньги, и уже потом называть виновных. Клиент поблагодарил и пожал ему руку так крепко, что сомнений не осталось: больше они не увидятся.

На лестнице пришло сообщение от Аси Мельник: «Опять отказались от денег?»

«От плохих. Хорошие берём по четвергам».

«Сегодня вторник».

«Вот тебе и объяснение квартального отчёта».

Фирма занимала четыре комнаты в старом доме на Карповке. Окна кабинета выходили на реку, узкую, как канава, и такую же упрямую. Шесть сотрудников, тесная переговорная, шкаф с бумажными папками, которые Антон не разрешал выбрасывать, хотя всё давно лежало в электронном виде. Он любил порядок и не выносил вещей, существование которых нельзя объяснить. Папки объяснить было можно, и Антон объяснял их каждому новому сотруднику, пока тот не переставал спрашивать.

Секретарь Инга остановила его у двери кабинета.

— Антон Германович, вас ждёт женщина. Без записи. Говорит, вопрос личный.

— Имя оставила?

— Алиса Ростиславовна Шелестова.

Он ответил не сразу. Вчерашний звонок перестал быть просто звонком.

— Давно сидит?

— Минут двадцать. Я предложила записаться на другой день, а она сказала, что подождёт сколько нужно. И правда ждёт: даже телефон не достаёт.

— Пригласи, как только я сниму пиджак. И попроси Асю зайти, как освободится.

В кабинете Антон вынул из кармана бумажку с фамилией, посмотрел на неё и убрал в ящик стола. Смысла в этом не было никакого. Разве что не хотелось встречать человека с запиской, которая напоминала: его ждали ещё до того, как он пришёл.

III

Алиса Шелестова оказалась выше, чем он представлял, и моложе, чем звучала её фамилия в голосе Тальникова. Тёмное пальто она держала на сгибе руки. На стол положила тонкую синюю папку и телефон, а садиться не спешила.

— Мне сказали, у вас пятнадцать минут.

— Следующей встречи у меня нет. Садитесь.

Она села напротив и положила ладони на закрытую папку. Кабинет не разглядывала, улыбкой расположить к себе не пыталась. Телефон развернула микрофоном к нему, и Антон понял, что разговор записывается. Спрашивать он не стал: начинать с этого вопроса значило проиграть первую минуту.

— Вы писали финансовое заключение по компании «Сосновый квартал» в две тысячи одиннадцатом году.

— Да.

— На основании вашего заключения моего отца обвинили в том, что он присвоил деньги дольщиков.

— Вину устанавливает суд. Специалист отвечает за цифры.

— В материалах дела оно названо одним из основных доказательств. Я читала.

— Значит, вы знаете, что в нём есть и чего нет.

Алиса чуть наклонила голову. Взгляд у неё был внимательный, почти неподвижный, и Антон узнал его: так смотрят люди, которые задают вопросы за деньги и привыкли, что им врут. Выговориться она не собиралась. Цель разговора была выбрана заранее, и сейчас она проверяла, как далеко он даст ей зайти.

— Знаю, – ответила она. – Суммы, счета, подписи. И вывод, который все приняли за доказательство. А ещё там нет одного обстоятельства.

— Какого?

— Я надеялась, что его назовёте вы.

Он молчал. Алиса раскрыла папку и выложила снимок, распечатанный на обычной офисной бумаге. Длинный стол, несколько мужчин в тёмных костюмах, женщина с папкой у края кадра. За окном светлое петербургское небо и угол соседнего дома с лепниной. На стене плакат фонда, название которого с первого раза было не прочесть.

— Пятнадцатое сентября две тысячи одиннадцатого года, – пояснила она. – Подписание соглашения о передаче проекта инвестору.

— Меня там не было.

— Я знаю. Вы получили документы на следующий день.

Это было правдой. Антон не любил, когда собеседник знает о нём больше, чем требует разговор. Но выяснять, откуда ей известна дата, пока не стал.

Рядом лёг второй снимок. Тот же кабинет, с другой стороны стола. У окна стоял мужчина с телефоном у уха. Лицо его почти скрывал свет, зато наклон головы и жест – свободная рука, поднесённая к подбородку, будто он придерживал собственную мысль, – запоминались сразу.

— Захар Кудинов, – назвала Алиса. – Партнёр моего отца.

— Что вы хотите выяснить?

— Почему человек, который в объяснении следователю написал, что весь этот день провёл в Москве, стоит в кабинете на Васильевском острове.

— У вас есть этот документ?

— Копия. И исходные файлы фотографий. Фотограф жив и подтвердит, что снимал сам.

— Если вам нужно заключение о подлинности снимков, это не ко мне.

— Я пришла не за этим.

Она положила перед ним третий лист. Копия страницы его собственного заключения, с подписью и датой. Антон узнал свой старый шаблон, отступы, привычку выносить длинные названия организаций в отдельную строку. За пятнадцать лет он сменил с полдюжины шаблонов, но этот помнил.

— Здесь сказано, что распоряжения о платежах субподрядчикам исходили от моего отца, – продолжила Алиса. – Подтверждают это письма. Я хочу понять, как вы проверяли, откуда они взялись.

— По документам, которые мне передали для исследования. Перечень приложений – в конце.

— Есть.

— Тогда покажите сами письма.

Она достала копии. Антон взял верхний лист. Бумага была новой, ксерокопия свежей, но письмо он узнал прежде, чем прочёл. Исходящий номер в верхнем углу, дата – двенадцатое мая. Название субподрядчика. Длинная строка банковских реквизитов. Косая резолюция синей ручкой поперёк текста и маленький прямоугольный штамп в правом нижнем углу.

Он прочёл реквизиты, перевернул лист и вернулся к ним.

Ничего не случилось. Никто не вошёл, не зазвонил телефон. За стеной кто-то смеялся. Антон только заметил, что больше не придерживает край листа большим пальцем.

— Пришлите мне электронные копии всего комплекта.

— Вы мне не ответили.

— По одному листу из старого дела я отвечать не стану. Нужны все документы, на которые я ссылался.

— Я хочу знать одно: вы тогда видели что-нибудь странное?

Он положил лист и выровнял его по краю папки. Вопрос прозвучал спокойно, без нажима, и отвечать от этого стало труднее.

— В таких проверках неувязок всегда хватает. Обычно за ними небрежность.

— А если нет?

— Тогда это проверяют.

Алиса впервые отвела глаза – не от смущения, а к часам на его стене. Решала, продолжать ли.

— Моего отца нет в живых, Антон Германович. Судить его теперь очень удобно. Он не возразит.

— Я знаю, что он умер.

— Тогда вы знаете не всё.

Она закрыла папку, но со стола её не убрала.

IV

— Вчера мне звонил Всеволод Григорьевич Тальников, – сказал Антон.

Алиса подняла глаза.

— Поздравляю.

— Он предупредил, что вы можете прийти.

Несколько секунд она молчала. Затем откинулась на спинку стула, и впервые за весь разговор в ней появилось что-то похожее на интерес, а не на подозрение.

— Значит, снимки он видел.

— Вы ему их показывали?

— Нет.

— Тот, кто снимал?

— Он говорит, что вчера ему звонили из какого-то фонда. Просили продать весь архив того дня – для юбилейной книги. Он обещал подумать и честно сказал, что копии уже отдал мне, ещё в пятницу. Он вообще всем всё говорит.

Антон взял ручку. Если так, снимками заинтересовались после того, как они попали к Алисе. Или о них знали независимо от неё.

— Как фотографии оказались у вас?

Она рассказала сжато, как пишут в справке. В середине сентября Кудинова назначили в общественный совет по защите дольщиков, и в новости вспомнили спасение «Соснового квартала». Фотограф прочёл её и в тот же вечер выложил в сети подборку «Мой первый репортаж»: в две тысячи одиннадцатом он был стажёром пресс-службы того самого фонда и снимал то самое подписание. На одном кадре, на заднем плане, Алиса узнала Кудинова.

— Как человека, который помог шестистам семьям, – добавила она. – Так написано в сообщении пресс-службы.

— Почему вы пришли ко мне? У вас есть редакция, адвокат, доступ к делу.

— Потому что под заключением стоит ваша подпись. И если снимки значат то, что я думаю, вашей работой кто-то воспользовался. Может быть, без вашего ведома.

Последние слова прозвучали осторожно. Она оставляла ему выход. Антон не понял, нарочно ли.

— А если я знал?

— Тогда я хочу услышать это от вас до того, как напишу.

— Вы журналист?

— Редактор отдела расследований.

— Понятно.

— Не думаю. Я пока ничего не опубликовала. И пришла сюда, хотя могла начать с заголовка и вашей фотографии.

Это не было угрозой. Это было точное описание её следующего шага, и Антон оценил точность.

— Оставьте копии. Я посмотрю.

— Сколько вам нужно времени?

— Для начала – до завтра.

— И вы не позвоните Тальникову?

— Я вам этого не обещал.

— Значит, позвоните.

— Значит, вы не знаете.

Она улыбнулась – коротко, устало и без всякого примирения.

— Фотограф, кстати, тоже не понимает, что отдал. В одиннадцатом ему было девятнадцать, и снимал он в основном бутерброды на фуршете. Он сам так говорит.

— А сейчас?

— Рад без памяти. Его снимки понадобились сразу двоим.

Алиса поднялась. Папка осталась на столе, телефон она убрала в карман.

— Пятнадцать лет назад вы помогли уничтожить моего отца, – сказала она. – Понимали вы это или нет, я пока не знаю. Но теперь у вас есть возможность разобраться.

Он проводил её до двери и не стал оправдываться. В коридоре она остановилась и спросила, можно ли верить его обещанию проверить документы. Антон напомнил, что обещал их посмотреть. Она кивнула, словно другого ответа не ждала, и ушла, не надевая пальто.

V

Ася пришла через пять минут, с кружкой кофе и лицом человека, который уже всё слышал через стену и теперь вежливо делает вид, что нет.

— Что-то срочное?

— Похоже на то. Две фотографии, сделанные в две тысячи одиннадцатом. Исходники возьмёшь у самого фотографа, не у неё, с картой памяти, если карта жива, и с сохранением всего как есть. Никаких выводов, кто на снимках и что это значит.

— Наконец нормальное задание. Обычно сначала просят доказать преступление, а потом спрашивают, умею ли я открыть файл.

Он продиктовал ей адрес и телефон фотографа. Ася записала, но уходить не торопилась.

— Вы в порядке?

— Да.

— Я не про давление. Вы так смотрите, будто нашли ошибку в собственном отчёте.

Антон взглянул на синюю папку.

— Возможно, так и есть.

Когда за ней закрылась дверь, он открыл заключение две тысячи одиннадцатого года и пролистал до перечня приложений. Письмо от двенадцатого мая, исходящий номер сорок семь, стояло в перечне семнадцатым. Напротив – его собственная формулировка: «Получено из архива ООО "Сосновый квартал" по акту передачи документов от 20.09.2011».

Двадцатое сентября. Через пять дней после подписания.

Он помнил тот акт. Помнил коробки и запах сырого картона: первые привёз юрист инвестора шестнадцатого, а письма пришли позже, двадцать первого, уже вместе с актом. Пом-

нил разговор о письме – долгий, неприятный, о том, что считать подлинником, а что поздней копией. Помнил, что получил объяснение и что письменного подтверждения не потребовал. Почему не потребовал, он тоже помнил, но это не относилось к делу. Так он решил тогда, так же решил и сейчас.

Антон открыл рабочую базу старых проектов – ту, которую в фирме звали кладбищем, потому что туда складывали всё и ничего не доставали. Карточка субподрядчика, составленная им в сентябре одиннадцатого года, нашлась со второй попытки. ИНН, банк, номер счёта. И его собственная пометка, сделанная при первичной проверке: «Дата открытия счёта – уточнить по первичному подтверждению банка».

Подтверждения в карточке не было. Пометка осталась.

Сама по себе она ничего не доказывала, кроме одного: вопрос возник у него пятнадцать лет назад. И никуда не делся оттого, что в итоговом заключении о нём не было ни слова.

Антон отодвинул ноутбук и снова взял распечатку второго снимка – того, с Кудиновым у окна. Печать была плохая, офисная, с полосами. Но край стола попал в кадр целиком. На столе, между двумя бутылками воды, лежал лист, развёрнутый к объективу. Буквы на нём сливались. Разборчивыми оставались только косая синяя черта поперёк текста и маленький тёмный прямоугольник в правом нижнем углу.

Он положил рядом копию приложения семнадцать. Косая резолюция синей ручкой. Прямоугольный штамп внизу справа.

Совпадение формы ещё не было совпадением документа. Таких резолюций в любой конторе десятки в день, а штамп мог оказаться чем угодно. Для ответа нужен был исходный файл, крупно, с каждой буквой.

Но если на столе пятнадцатого сентября лежало письмо, которое по его же заключению достали из архива только двадцатого, значит, кто-то принёс его на подписание за пять дней до того, как его «нашли».

Телефон на столе завибрировал. «Антон, добрый день. Надеюсь, разговор с Алисой прошёл спокойно. Если понадобятся документы того времени – скажи, у меня кое-что сохранилось».

Тальников не спрашивал, была ли встреча. Либо он знал, что была, либо хотел, чтобы Антон так подумал.

Антон не ответил. Взял чистый лист и написал на нём две даты, одну под другой: пятнадцатое сентября и двадцатое. Между ними оставил пустую строку.

Глава вторая. Пятнадцать лет



I

Среда, 23 сентября.

Ася начала с того, что выставила его из своей комнаты.

— Вы мне дышите в монитор, Антон Германович. Я так работаю медленнее, а вы так нервничаете быстрее.

Он вышел, постоял у кофемашины, посмотрел, как вода в Карповке несёт вниз по течению чей-то жёлтый лист, и вернулся через двадцать минут. Ася повернула к нему экран.

Исходники она забрала накануне вечером сама, в студии фотографа на Обводном. Фотограф оказался разговорчивым человеком тридцати с небольшим, с бородой, которую он, по словам Аси, носил как оправдание. Карта памяти от той съёмки у него не сохранилась, зато уцелел внешний диск, на который он в одиннадцатом году сбрасывал всё подряд, и папка с файлами в том формате, в каком их записала камера.

— Что можно сказать сейчас, – начала Ася тем голосом, каким врачи говорят с родственниками в коридоре. – Двести четырнадцать кадров, номера идут подряд, без пропусков. Камера одна, серийный номер в каждом файле один и тот же. Дата и время съёмки в каждом есть. Человек у окна есть на двух кадрах. Сто сорок седьмой снят пятнадцатого сентября в одиннадцать пятьдесят две, сто пятьдесят первый – через две минуты.

— Это по её часам.

— А часы могли врать на сколько угодно. Поэтому вот.

Она открыла другой кадр. Общий план кабинета, снятый от двери. На стене за головами – большие круглые часы с белым циферблатом. Ася увеличила их до размытых чёрных стрелок.

— Сто тридцать девятый. По камере – одиннадцать сорок восемь и полминуты. На стене – без двенадцати двенадцать. Разница меньше минуты. Камера не врала. По крайней мере в ту среду.

— Это был четверг.

— Тем более. – Ася ничуть не смутилась. – Для меня одиннадцатый год – палеолит, тогда фотографии весили по пять мегабайт и их хранили на дисках с надписью «Разное».

— Что ещё?

— Больше ничего. Я не могу сказать, что файлы подлинные. Могу сказать, что внутри они друг с другом согласны и подделывать двести четырнадцать кадров ради одного человека у окна – странная работа. Подлинность пусть устанавливает эксперт. У меня нет ни лицензии, ни желания стоять потом в суде и объяснять, что такое метаданные.

Антон кивнул. Ничего большего он и не ждал. Если бы Ася объявила файлы подлинными на второй день, он бы её уволил – из уважения.

— Покажи сто пятьдесят первый. Стол.

Она открыла. Тот самый кадр, что Алиса распечатала на офисной бумаге, только теперь в нём не было полос. Край стола, две бутылки воды, ручка, оставленная колпачком к объективу. И лист, развёрнутый так, будто его кто-то только что передвинул к соседу.

— Крупнее. Правый верхний угол.

Ася увеличила. Буквы распались на зерно, собрались снова. Исходящий номер читался целиком: «Исх. № 47». Ниже, мельче, дата. Пятёрка у месяца была узнаваема по нижнему крючку.

— Резолюцию.

Косая синяя черта пересекала текст от левого края к правому, как перечёркнутая строка в ведомости. Над ней – два слова с тем же наклоном почерка. Внизу справа – маленький прямоугольный штамп, тёмно-синий, с неразборчивыми буквами.

Антон положил рядом копию приложения семнадцать из своего заключения. Исходящий номер сорок семь. Двенадцатое мая. Та же резолюция – наклон, длина черты, обрыв на правом поле. Тот же штамп.

— Это одна бумага, – сказала Ася. Она умела не задавать вопросов, на которые видела ответ.

— Похоже на то.

В этом «похоже» он оставил себе последнюю лазейку и сам это понимал. Думать было о чём. По его собственному заключению письмо номер сорок семь передали ему из архива компании по акту от двадцатого сентября. Акт подписывали юрист инвестора и представитель «Соснового квартала». В акте было сказано, что письма найдены при разборе текущего архива бухгалтерии. Пятнадцатого сентября это письмо лежало не в бухгалтерии. Оно лежало на столе в кабинете на Васильевском острове, рядом с бутылкой воды, и в двух шагах от него стоял человек, который в тот день был в Москве.

— И ещё одно, – добавил Антон. – Кудинов.

Он открыл копию объяснения из материалов дела. Кудинов давал его в ноябре одиннадцатого, свидетелем, следователю, который вёл дело против Шелестова. Две страницы, напечатанные, внизу подпись с длинным росчерком. «Пятнадцатого сентября 2011 года с десяти до пятнадцати часов я находился в Москве на совещании в офисе ООО "Меридиан-Капитал" по вопросам рефинансирования… В Санкт-Петербург вернулся вечерним поездом "Сапсан"…»

— Одиннадцать пятьдесят две, – сказал Антон.

Ася перевела взгляд с экрана на строку объяснения и присвистнула.

— А часы на стене за камеру поручились. Вы сами меня поправили на четверг.

Антон взял ручку и подчеркнул в объяснении три слова: «с десяти до пятнадцати». Без этого часа и этих слов Кудинов у окна был бы просто человеком, который успел заехать по дороге. С ними он становился человеком, который письменно солгал следователю о том, где провёл утро, когда подписывали бумаги.

Ложь ещё не была преступлением, и даже ложью она пока не была – только противоречием. Часы камеры сверили с часами на стене, но и те и другие могли отставать вместе. Нужен

был третий, чужой источник времени: снимок другого фотографа, пресс-релиз с расписанием, журнал на входе. Зато это было первое противоречие, которое вообще можно было проверить.

II

Своё заключение Антон перечитывал до обеда. Сорок две страницы, двенадцать таблиц, девятнадцать приложений. Он помнил его хуже, чем думал, и лучше, чем хотел.

Написано было хорошо. Это он отметил с неприятным чувством, как отмечают у себя хорошую осанку на фотографии с чужих похорон. Цепочка платежей, субподрядчики, суммы, сроки – всё сходилось. Если принять письма за подлинные, вывод напрашивался сам: деньги дольщиков уходили по прямым распоряжениям генерального директора. В подписи под каждым распоряжением стояло «Р. Т. Шелестов».

На восьмой странице, во введении, был абзац, который он когда-то переписывал трижды. Его Антон помнил так же ясно, как запах картонных коробок.

«Документы, перечисленные в приложениях 14–19, представлены заказчиком в копиях. Установление подлинности указанных документов и обстоятельств их составления не являлось предметом настоящего исследования».

Формулировка была безупречной. Ни один суд не придрался бы к ней. Она снимала с автора ответственность за подлинность и одновременно делала вид, что ответственность эта никому не нужна. Двадцативосьмилетний Антон Лесовой был ею доволен. Он тогда решил, что нашёл честный способ сказать «я не уверен», не говоря этого вслух.

Сейчас он видел другое. Приложение семнадцать стояло в этом перечне. Письмо, у которого счёт получателя был открыт – если верить его же карточке – неизвестно когда, а вопрос «когда» он однажды задал и сам себе запретил задавать снова.

Разговор с юристом инвестора всплыл кусками. Комната с жалюзи, запах кофе из автомата, мягкий голос: «Техническая ошибка, Антон Германович. Письмо потом переоформляли, реквизиты вписали действующие. Вы же не думаете, что мы стали бы подсовывать вам такую очевидную вещь?» Он ответил, что не думает. Объяснение не выдерживало первой же проверки, и он понял это ещё в той комнате. Но ему было двадцать восемь, и проверять он не стал.

Антон встал, подошёл к окну. На другом берегу Карповки рабочие разгружали машину с плиткой, передавая её из рук в руки с той неторопливой ловкостью, которая бывает только у людей, получающих сдельно. Он смотрел на них, пока не поймал себя на том, что считает плитки.

Тогда он вернулся к столу, открыл заключение на восьмой странице и положил его рядом с увеличенным кадром сто пятьдесят первым. Две бумаги, одна мысль. Пятнадцатого сентября письмо было на столе. Двадцатого его «нашли». Шестнадцатого он получил первую коробку.

Значит, когда он писал «представлены заказчиком в копиях», заказчик уже держал это письмо в руках.

III

Алиса назначила встречу в кафе на Большом проспекте Васильевского острова, в двух кварталах от своей редакции. Пришла первой, села у стены, лицом к двери, и, когда Антон вошёл, не встала.

— Я заказала вам чай, – сообщила она. – Кофе здесь варят так, будто мстят.

— За что?

— Понятия не имею. Но мстят систематически.

Чай оказался горячим, в толстом стеклянном стакане с подстаканником, которого никто не просил. Антон положил на стол увеличенную распечатку кадра сто пятьдесят первого и копию письма номер сорок семь.

Алиса разглядывала их долго. Сначала штамп, потом резолюцию, потом номер. Антон не торопил. Ему было интересно, увидит ли она сама.

— Это одно и то же письмо, – проговорила она наконец.

— Похоже на то.

— Значит, его подложили.

— Выходит, пятнадцатого сентября оно существовало и лежало на столе, где подписывали соглашение. Подлинное оно или нет – другой вопрос.

— Антон Германович, вы издеваетесь?

— Нет. Я отвечаю на тот вопрос, который могу доказать.

— Его нашли в архиве через пять дней. Так в вашем заключении. Так в материалах дела. Если оно лежало на столе раньше, значит, никакой находки не было. Его принесли.

— Да. Это я готов подписать. А что в нём ложь – пока нет.

Она откинулась на спинку стула. Он видел, как в ней поднимается то, что она, вероятно, привыкла держать в руках на работе и не всегда умела унять за её пределами.

— Пятнадцать лет все вокруг соглашались подтвердить что угодно, кроме того, что мой отец не воровал. Вы сейчас делаете то же самое.

— Я делаю то, что не сделал тогда. Проверяю.

Это вырвалось раньше, чем он решил, говорить ли. Алиса подняла на него глаза – быстро, как поднимают трубку.

— Чего именно?

Антон помолчал, выбирая, сколько отдать. Отдавать всё он не собирался: не потому, что боялся её, а потому, что сам ещё не знал, что именно отдаёт.

— В одном из писем были реквизиты счёта. Дата открытия этого счёта у меня вызвала вопрос. Я его задал. Мне ответили, что письмо переоформляли. Я принял ответ. Письменного подтверждения не потребовал.

— Почему?

— Это сейчас не главное.

— Это решать мне.

— Для вас главное, воровал ли ваш отец. Давайте сначала с этим.

Она хотела возразить – он видел это по тому, как дрогнули её пальцы на подстаканнике. Но не возразила. Вместо этого достала из сумки толстую папку, перетянутую двумя резинками, и положила рядом с его распечатками.

— Здесь всё, что мне выдали в двадцать четвёртом, когда я пыталась обжаловать прекращение дела. Отказали. Сказали, мать дала согласие, а я тогда своего не заявляла. В двенадцатом мне был двадцать один год, и я не знала, что могу что-то заявлять. Мне никто не сказал. А в двадцать четвёртом я писала про чужое дело и наткнулась на решение Конституционного суда. Одиннадцатого года. Оказалось, родственники вправе не соглашаться. Двенадцать лет я об этом не знала.

Голос у неё не изменился. Изменилось другое: она перестала смотреть ему в глаза и смотрела на резинки.

— Посмотрите это, – попросила она. – Вы в бумагах понимаете лучше. Я понимаю, кто врёт. Вы понимаете, в каком месте.

Антон взял папку. Она была тяжелее, чем выглядела.

— Вы это есть собираетесь? – спросил он, кивнув на её тарелку. Там лежал сырник, разрезанный на восемь одинаковых частей и нетронутый.

— Я не умею есть, когда работаю. И готовить не умею вообще. Мама считает, это наследственное: отец мог построить дом, а яичницу пережаривал до подошвы.

Она впервые сказала «отец» не как обвинение. Антон заметил это и промолчал.

IV

Сообщение Тальникова со вчерашнего дня так и висело без ответа. Антон перечитал его в машине, на Тучковом мосту, в пробке, где у человека слишком много времени на чужие слова.

«Если понадобятся документы того времени – скажи, у меня кое-что сохранилось».

Вариантов ответа было три. Не отвечать вовсе – тогда Всеволод Григорьевич позвонит сам, вечером, и спросит про Милу. Поблагодарить и отказаться – тогда он поймёт, что Антон не хочет его помощи, и начнёт гадать почему. Или принять.

Антон набрал номер, когда мост остался позади.

— Ты получил моё сообщение? – Тальников ответил после первого гудка, как будто держал телефон в руке.

— Да. Спасибо. Документы, наверное, не понадобятся. Там вопрос не к бумагам, а к датам.

— Каким именно?

— Пятнадцать лет – большой срок. Хочу понять, что когда было снято. Отдам файлы на проверку Пименову – он лучший в городе по цифровым снимкам. Если их трогали, он увидит.

Он назвал фамилию нарочно и сам не вполне знал, кого проверяет: Тальникова или себя. Если ничего не случится, это будет значить, что пауза в понедельник ему почудилась и человек, которому он обязан жизнью сестры, просто заботлив. Если случится – Антону придётся признать, что он умеет читать людей не только за деньги.

— Вениамин? – В голосе Тальникова не было ничего, кроме вежливого внимания. – Я знаю его отца. Хороший был специалист. Как ты вообще, Антон? Голос у тебя усталый.

— Нормально. Работа.

— Ты всегда так говоришь. Береги себя. И если та девочка будет тебя изводить – не вини себя за то, чего ты не знал.

Антон смотрел на красный свет перед собой и думал, что за пятнадцать лет так и не научился отличать, когда Всеволод Григорьевич говорит о нём, а когда о себе.

— Я постараюсь, – ответил он.

V

Письмо от Пименова пришло в половине седьмого вечера. Короткое, вежливое, с извинениями. Вениамин Олегович благодарил за обращение и сообщал, что в ближайшие месяцы не сможет взяться за исследование «в силу непредвиденных обстоятельств». Обещал порекомендовать коллегу.

Ничего необычного. Специалисты отказывались каждый день, особенно когда вместо двух часов работы выходила неделя. Утром Пименов назвал срок – десять дней – и цену и обещал прислать договор к вечеру.

Через десять минут он позвонил сам.

— Антон Германович, я хотел объяснить. Чтобы вы не подумали лишнего.

— Я пока ни к каким выводам не пришёл.

— У меня отец после операции. Реабилитация, санаторий, очередь на полгода. Сегодня днём мне позвонил один человек и предложил помочь. Устроил всё за час. Отца берут с понедельника.

Антон перестал вертеть в пальцах ручку.

— Кто?

— Всеволод Григорьевич Тальников. Он с отцом когда-то пересекался по работе. Сказал, что давно хотел его навестить и что узнал о больнице совершенно случайно. – Пименов замялся. – Я не умею отказываться, когда речь об отце. И браться сейчас за вашу работу мне показалось… неправильным. Он не просил. Честно, ничего не просил. Только просил передать вам привет.

Антон смотрел на заключение, раскрытое на восьмой странице. Под абзацем о копиях, которые «представлены заказчиком», стояла его подпись – молодая, размашистая, ещё без той короткой точки на конце, которую он завёл позже.

Всё, что сделал Тальников, можно было объяснить тремя способами. Он мог помочь старому знакомому, о котором вспомнил, услышав фамилию сына. Мог уберечь Антона от скан-

дала, отведя от него лишнего свидетеля. Мог закрыть проверку, не сказав ни одного слова против неё. И ни в одном из трёх случаев не сделал ничего, за что его можно было бы упрекнуть.

— Передайте отцу, чтобы поправлялся, – сказал Антон. – И не беспокойтесь. Вы ни в чём не виноваты.

Он положил трубку и долго не убирал руку с телефона.

Из ящика он достал лист с двумя датами, пятнадцатое и двадцатое сентября, и вписал в пустую строку между ними: «23.09. Пименов».

Вчера Тальников предлагал документы. Сегодня он помог человеку, которого Антон назвал ему по имени несколько часов назад. Помог по-настоящему, и старику действительно будет лучше. Упрекнуть его было не в чем, и Антон впервые за пятнадцать лет об этом пожалел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.